ЕЩЁ ОДНА ЖИЗНЬ

нашим родителям посвящается

Михаил Дурненков

ОН
ОНА

1.ОНИ ЧТО-ТО ЗАДУМАЛИ

Квартира стариков. Старик и Старуха сервируют стол, ставят на стол тарелки, бокалы.

ОНА. Он болеет. Он смертельно болен.
ОН. Она всегда рядом. Она держит его за руку.
ОНА. Он как старое дерево в весеннем саду. Силится выпустить в последний раз листочки, но сил уже нет.
ОН. Он не помнит, сколько ей лет и когда у неё день рождения. Он вообще не помнит дат.
ОНА. Пятнадцатое декабря – день рождения старика. Много лет назад в этот день я дарила ему новые коньки. Теперь, в этот день, я дарю бритвенный набор.
ОН. День начинается с трудных попыток дышать. Кислородный баллон уже не очень помогает. Доктор сказал, счет идет на дни.
ОНА. Седьмого августа – день рождения старшего. В этот день я дарю новое портмоне.
ОН. Питер приезжает на дорогой машине, успешный, высокий, усталый. На широком лбу морщина. На заднем сиденье силуэт подростка в наушниках, это внук.
ОНА. Шестого апреля – день рождения младшего. Я дарю ему ландыши.
ОН. Она любит Марка больше, чем Питера. Надо любить их одинаково.
ОНА. Но Марк так сильно болел в детстве!
ОН. Надо любить их одинаково! Надо… Не хватает… дыхания…

ОНА. Питер, ты садись сюда, Марк, ты сюда… Марк, Марк, ты слышишь меня? Садись сюда. Никки, ты… Как? Нико? Кто они? «Они»? А по-старому нельзя? А тогда… А может?.. Как? Просто воды? Вот вода.
ОН. Семья сидит за столом.
ОНА. Тишина.
ОН. Все слушают, как хрипят и булькают легкие старика.
ОНА. Тишина.
ОН. Они что-то затеяли. Его дети.
ОНА. Марк неподвижный, с черным от горя лицом. Смотрит ровно перед собой.
ОН. Питер кладет большие руки на стол. Он будет говорить за двоих.
ОНА. Старик…
ОН. Да?
ОНА. У наших детей есть какой-то план.

2. ГЛАЗ

Современная клиника. Старики смотрят на запутанного в проводах человека. Гудят машины, мелькают огоньки, шумит насос.

ОН. «Это очень, очень хорошая клиника», – говорит Питер.
ОНА. Лекарствами не пахнет. Вообще ничем не пахнет.
ОН. «Не переживайте, мы абсолютно точно можем себе это позволить», – говорит Питер. Он знает, что под старость отец стал излишне бережливым.
ОНА. И свет искусственный. И растение в приемном отделении. Оно настоящее, но выглядит как пластиковое.
ОН. «Современные методы позволяют», – говорит Питер. Доктор рядом с ним улыбается. Доктор подтверждает, что здесь у них лучшая аппаратура.
ОНА. Он резиновый, этот их доктор. Не бывает людей с такой кожей.
ОН. Старик вглядывается сквозь трубки и шланги. Где-то там, внутри, человек….
ОНА. За пациента успешно дышит машина. Другая машина помогает ему думать. Третья помогает спать и видеть сны. Четвертая машина извлекает из пищи полезные вещества и устраняет неполезные. Пятая следит за чистотой.
ОН. «Если оплатить сразу три года, то выйдет дешевле», – говорит Питер. Он надеется, что это понравится старику.
ОНА. Мой муж смотрит сквозь трубки и шланги. И вдруг…
ОН. Там блеснул чей-то глаз! Там кто-то живой! Там кто-то живой!
ОНА. Марк почернел еще больше. Он с самого начала знал, что у них ничего не получится. Бедный Марк! Горе сделало его гораздо старше брата.

ОН. «Пойдемте к машине, – вздыхает Питер, – я отвезу вас обратно».
ОНА. В машине она берет старика за руку.
ОН. Он сидит и вспоминает тот глаз. Уж лучше умереть.

3. ЧТО ЖЕ НАМ ДЕЛАТЬ?

Ночь. Старики лежат в кровати без сна, смотрят на тени на потолке от проезжающих машин.

ОНА. Она отпускает его руку и отворачивается.
ОН. Что?
ОНА. Она молчит.
ОН. Что?
ОНА. Она молчит.
ОН. Он хочет попросить её не молчать, но вместо этого долго и неудержимо кашляет. Кашляет до тех пор, пока силы не оставляют его окончательно.
ОНА. Она приносит ему воду.
ОН. Он пьет.
ОНА. Ты убиваешь их. Дай, я постучу тебе по спине. Так лучше? Ты убиваешь их. Убиваешь наших детей. Своей смертью ты убиваешь их.
ОН. Моя смерть тут ни при чем.
ОНА. Их так жалко. Питер! Марк! Я никогда не видела Марка таким. Хочешь еще воды?
ОН. И что же нам делать?

4. ДОРОЖНЫЕ ЗНАКИ

Раннее туманное утро. Старики садятся на автобус и уезжают. Знак первый.

ОН. Когда сидишь на сиденье автобуса, ноги не достают до земли. Как в детстве. Странно, что не замечал этого раньше.
ОНА. Два билета на автобус. Пакетик с овсяной кашей быстрого приготовления. Запасные очки в очешнике. Таблетки от высокого давления. Таблетница старика с таблетками на одну неделю. Кстати, была полная. Ты пил утром лекарство?
ОН. Не хочу. Не буду.
ОНА. Пачка бумажных салфеток. Два телефона с вынутыми сим-картами. Зачем мы это сделали?
ОН. Я видел в кино, что так поступали люди, когда убегали от полиции.
ОНА. Гигиеническая помада. Кошелек с банковскими картами. Все наши наличные.

ОН. Водитель автобуса ставит музыку. Водитель говорит, что это госпел. И показывает большой палец, чтобы старики поняли, что музыка эта– хорошая.
ОНА. Так, что еще…. Зарядка для телефона. Несколько пакетиков чая. Пара шоколадных конфет. Булка…
ОН. «Булка у меня в кармане», – говорит старик, и показывает ей спасенную булку.
ОНА. Что там еще было? Зонт. Нет, зонт вот он. Паспорта? Какие-то еще документы? Кажется, всё. В общем, ничего особенно не жалко. Она не ругает старика за то, что он забыл сумку в автобусе.
ОН. Но тот всё равно чувствует себя виноватым.
ОНА. Стой здесь, я пойду договариваться насчёт парома. Чаек булкой не корми!

Теперь старик и старуха плывут на пароме. Знак второй.

ОН. Гуляя по парому, они встречают мужчину у отсека с игровыми аппаратами.
ОНА. У него были красные глаза и перекошенная улыбка.
ОН. «У меня было всё!– кричит им мужчина,– Моя жизнь была полна радости!»
ОНА. Они решают пройти мимо молча.
ОН. «Я ни о чем не жалею! – кричит им вслед мужчина. – Мне ничего не жалко!»
ОНА. «Как он страшно улыбается», – она передергивает плечами, прогоняя холодок с позвоночника.
ОН. Паромы гудят в тумане, как влюбленные киты.
ОНА. Это означает, что мы причаливаем.

Теперь старик и старуха плывут на лодке. Вернее, она гребет веслами, а он держит над ней зонт. Третий знак.

ОН. Лодку пришлось украсть на Паромном острове.
ОНА. И раз, и два. И раз, и два.
ОН. Но мы её вернем. Мы же вернем?
ОНА. И раз, и два. И раз, и два.
ОН. Мы оставим в лодке записку и напишем, где мы её взяли, правда ведь?
ОНА. И раз, и… Она отпускает вёсла, и лодка зависает в нигде. В тумане. Между небом и землей.
ОН. Только вода тихонько плещет о борт.
ОНА. Мы же всё правильно сделали? Да?
ОН. Она смотрит на него.
ОНА. Он смотрит на неё.
ОН. Внезапно… слышишь?

ОНА. Какой-то ритмичный сильный звук.
ОН. Что-то приближается. Кто-то приближается!
ОНА. Держись за борта! Крепче!
ОН. Лебеди! Два огромных лебедя вынырнули из тумана и, загребая крыльями, развернулись совсем низко над ними.
ОНА. Я чувствую лицом ветер от их крыльев!
ОН. Улетели. Лодка качается на волнах. Какие красивые лебеди.
ОНА. И раз, и два. И раз, и два. И раз, и два. И раз, и два. И раз, и…
ОН. А вот и наш остров.

5. ЗДЕСЬ ТЫ МОЖЕШЬ УМЕРЕТЬ СПОКОЙНО

Старик и Старуха обходят остров.

ОНА. Вдруг стало жарко и солнечно. И весь остров как на ладони.
ОН. Наш остров.
ОНА. В основном это скала.
ОН. Кусок скалы в море, густо поросший можжевельником.
ОНА. Двести метров длиной, метров сорок шириной.
ОН. В южной части небольшая тенистая рощица. Там спрятался старенький дощатый туалет.
ОНА. Есть еще довольно крепкая сауна и легкий двухэтажный домик. Навес для дров и хозяйственная постройка.
ОН. Внутри стоят инструменты и пахнет перегноем.
ОНА. Еще есть компостная яма.
ОН. Осторожно! Из ямы, шипя, убегает потревоженная змея.
ОНА. Давно мы тут не были.
ОН. Крыша выдержала, внутри сухо. Плесени нет.
ОНА. На подоконниках полоска из крошечных тел умерших насекомых.
ОН. В домике запах летних каникул.
ОНА. Мы любили сюда приезжать. Каждое лето.
ОН. В последний раз это было?.. Когда? Семь? Восемь?
ОНА. Восемь? Семь? Марк когда закончил университет?
ОН. Да. Восемь лет назад.
ОНА. Старики молчат. Жужжат насекомые, колышется можжевельник. На острове полдень.
ОН. Что мы здесь делаем?
ОНА. Здесь ты можешь умереть спокойно.
ОН. А ты?
ОНА. И она берет его за руку. Она всегда берет его за руку.

6. СТАРЫЕ ВЕЩИ

Старики вынимают из ящиков старые вещи, одежду и посуду. Одежду тут же примеряют на себя.

ОНА. Хочу праздник! Хочу быть красивой, хочу вина, хочу, чтобы сегодня было хорошо!
ОН. Ключ от чердака старики не смогли найти, поэтому дверь просто выломали.
ОНА. Целые ящики сокровищ! Игрушки наших детей, Марка и Питера! И наши личные вещи, наша история.
ОН. Это трубка моего отца! Смотри, трубка моего отца!
ОНА. «Эй, малыш, не плачь, ну пожалуйста. Жена, ну что ты стоишь, не видишь, твой ребенок плачет? Малыш, малыш, посмотри, посмотри на меня. Я вернусь. Папа пойдет на войну, всех победит и вернется. А ты меня дождешься. Знаешь почему? Вот. Это тебе. Держи и храни хорошенько. Это слишком хорошая трубка, чтобы брать её на войну. Вернешь мне, когда я вернусь домой. Договорились?»
ОН. А это что на полке?
ОНА. Это Клубничка! Моя кукла, купленная на ярмарке возле паромной переправы.
ОН. У неё тряпичное тело и глиняная голова. У куклы румянец и удивленный взгляд. Почему ты плачешь?
ОНА. Она разбилась! Моя кукла разбилась! Мы везли её с ярмарки, и она разбилась о борт лодки!
ОН. Не плачь, мы сделаем ей новую голову. Смотри, она почти такая же, как старая.
ОНА. Я плохая, я больше никогда не буду играть с Клубничкой!
ОН. Видишь, вот она, Клубничка, снова целая. Вот она. Поиграй!
ОНА. Нет, я разобью её, я плохая!
ОН. Хорошо. Я поставлю её сюда. Ты успокоишься и придешь за ней. А Клубничка будет ждать тебя здесь, на полке. А это что такое?

7. СВАДЬБА

Старики вынимают свадебные наряды.

ОНА. Она смотрит на него и улыбается.
ОН. Что?
ОНА. Она смотрит на него и улыбается, и он, наконец, вспоминает.
ОН. Это мой свадебный костюм.
ОНА. Наденешь?
ОН. Я помню день свадьбы.
ОНА. И я. Мы тогда познакомились.
ОН. Здравствуйте. Вы, наверное, подруга невесты?
ОНА. Я подруга подруги подруги невесты. А где они?
ОН. Кто?
ОНА. Жених и невеста? Говорят, он страшный урод, а она невероятная красавица. Пошли выпьем!

ОН. А как же свадьба?
ОНА. А мы успеем, пока всё не началось. Вон там раздают шампанское. Мы успеем выпить и вернуться.
ОН. Не могу. Как бы это сказать, я тут немного занят…
ОНА. Держишь шлейф платья невесты?
ОН. Женюсь. На той самой красавице.
ОНА. Оу.
ОН. Ну да.
ОНА. То есть выпить ты со мной не пойдешь?
ОН. Теперь он молча смотрит на неё и улыбается.
ОНА. Ну я тогда пойду выпью одна. Подумаешь.
ОН. И он смотрит ей вслед, как она уходит…
ОНА. Вся такая независимая.
ОН. И, кажется, слегка расстроенная? А он смотрит ей вслед и улыбается.
ОНА. А потом ловит себя на том, что улыбается, и вдруг перестает улыбаться. И это был конец нашей первой встречи.
ОН. И это было начало всего остального.
ОНА. И это было начало.
ОН. Серия фотографий «Свадьба на острове»! Скатерть для свадебного стола расстелена прямо на скале. Гости кричат «ура» и аплодируют.
ОНА. Моя любимая фотография– мы с тобой разбегаемся и прыгаем в море!
ОН. Фата летит, цветы летят, юбки летят, облака летят!
ОНА. И мы летим! Давай сейчас тоже прыгнем!
ОН. Что-то я вдруг устал.
ОНА. Старики садятся на большой камень и смотрят на море.
ОН. Смотрят на море, невыразимо прекрасное море в призрачном свете белых летних ночей.
ОНА. И прощаются.
ОН. И она держит его за руку.

8. ВЫХОДИ

Он открывает глаза и смотрит в окно.

ОН. Ночью он проснулся оттого, что ветка сосны осторожно постучала в окно. Он решил, что ему показалось, и закрыл глаза. Но тут ветка постучала еще раз, и вдруг он почувствовал, что не может дышать. Совсем не может дышать. Совсем не может дышать. И тут ветка постучала еще раз, чуть слышно, и он понял, что его зовут. Он встал, стараясь не разбудить старуху, и вышел. И закрыл за собой дверь.

9. ПЕСНЯ ОСТРОВА

Утро. Она бежит по острову в совершенном отчаянии.

ОНА. Когда-то, когда у неё был красивый, еще совсем не дребезжащий голос, она сочинила песню, которую пела своим детям. Она назвала её «Песня острова». Там были такие слова: «По камню, по камню, с камня на камень, а там, где не хватит, камешек новый подкатишь, ты скачешь, ты скачешь, ты знаешь, ты знаешь, что камешков точно хватит». По камню, по камню, с камня на камень…– она бежит по острову, и эти строчки скачут у неё в голове,– по камню, по камню, с камня на камень…. А дальше там такие строчки: «А если ты вдруг разбежишься и прыгнешь, а если ты вдруг разбежишься и прыгнешь…» И она слышит всплеск там, на северной оконечности острова, где стоит пара засохших, будто из серебра выточенных деревьев. «А если ты вдруг разбежишься и прыгнешь, а если ты вдруг разбежишься и…». Что ты там делаешь?
ОН. Плаваю.
ОНА. Ты плаваешь?
ОН. Я плаваю. Смотри, я плаваю! Я плаваю! Я плаваю!
ОНА. Она стоит и смотрит, как он медленно плавает у берега, осторожно держась за корни растений. И ничего не понимает.

10. ГАМАК ДЛЯ СМЕРТИ

Пока старик занимается всякими делами по хозяйству, она задумчиво изучает место, в котором хочет повесить гамак.

ОНА. Между засохших деревьев, тех самых, которые выглядят, будто выточены из серебра, она замечает странный холмик. Он состоит из крошечных трупиков пчел.
ОН. После утреннего купания старик спит несколько часов, и когда просыпается, солнце начинает клониться к закату. «Самое время для рыбной ловли», – думает он, и сам удивляется готовности своего тела куда-то идти и что-то делать.
ОНА. На другой день, на том же самом месте, где лежали мертвые пчелы, старуха видит свернувшуюся кольцом дохлую змею. И также подмечает, что муравьи не стремятся обгладывать её тело, а прокладывают свои тропки в обход. Старуха собирает на берегу круглые камешки и огораживает ими это странное место.
ОН. Хвороста недостаточно, нужно наколоть дров. Для этого нужно сделать новое топорище и наточить топор. Столько новых дел! День внезапно наполнился и перестал пролетать мгновенно, как огненный болид. Как приятно ноет перед сном усталое тело! Не болит, а именно ноет, радуясь скорому сну.

ОНА. И когда на следующее утро она видит на том же месте труп морской чайки, она уже всё понимает…
ОН. У нас почти закончилась овсянка. В мешке жила толстая мышь с детками, и я их отсадил. Но они вернулись и всё доели. Ты меня слушаешь?
ОНА. «А? Что? Прости…» – старуха о чем-то задумалась и не реагирует.
ОН. Я говорю, у нас кончилась овсянка и почти заканчивается мука. Надо что-то придумать. Давай сегодня растопим сауну? Как ты на это смотришь?
ОНА. А где у нас гамак? Помнишь, у нас был старый гамак?
ОН. На чердаке. Принести?
ОНА. Старуха идет и вешает гамак между двух старых деревьев, высохших, будто выточенных из серебра. Ветер немедленно наполняет его и начинает раскачивать. Если смотреть издалека, с крыльца дома, кажется, будто там кто-то лежит. «Даже смерти иногда нужен отдых»,– думает старуха.
ОН. «Это так странно, так странно… – думает старик, – Но, кажется, я здоров».
ОНА. «Помыть тебя?» – привычно предлагает ему старуха, когда они вечером идут в сауну.
ОН. «Меня не надо мыть, я не ребенок. Я твой муж». Он выпрямляет спину, сидя на полке и смотрит на неё.
ОНА. А он снова высокий. И в этот раз его ноги достают до пола.

11. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Продавец Олли и Полицейская, имени которой мы так и не узнаем, докладывают о происшествии, случившемся на Паромном острове.

ОНА. Выдержки из полицейского протокола. Первым говорит продавец Олли. Начинай.
ОН. Если вам нужны ватные диски или одноразовые тарелки, то это, пожалуйста, на Большую землю. А у нас тут, на Паромном острове, только самое необходимое. Основные продукты завозят раз в неделю. Хлеб местный, из пекарни на площади. Его датчанин печет. Он хвалится, что его закваске целых триста лет.
ОНА. К делу, Олли, к делу.
ОН. Я и говорю. В день, когда совершилось преступление, в моем магазине перегорела лампочка. Прямо над входом. Электрика надо ждать весь день. Поэтому я все делаю сам. Я ставлю стремянку, лезу наверх и меняю лампочку. И вот тогда этот преступник и появляется. Проходит прямо под стремянкой и сразу– шасть к полкам! Теперь ты.
ОНА. Я пытаюсь бросить курить. Я единственная полицейская тут, на Паромном острове, поэтому считаю, что это не очень хорошо меня

характеризует. Я имею в виду курение. Но я свела курение до одной сигареты, и это – к стыду своему, должна признаться, – самый светлый момент дня. И вот я собираюсь, значит, выкурить свою сигарету, как тут прибегает Олли, наш продавец, и сообщает об ограблении.
ОН. Мешок овсянки, два килограмма сахара, три килограмма муки и пачка кофе грубого помола.
ОНА. И всё?
ОН. А взамен оставляет на прилавке очень вонючую рыбу.
ОНА. Семь копчёных окуней и небольшая щука. Хм, действительно очень приятно пахнет.
ОН. А теперь спросите меня, куда он побежал.
ОНА. Олли проследил за грабителем до самого берега и видел, как тот сел в лодку и уплыл.
ОН. Я даже успел заметить, в каком направлении!
ОНА. Олли смог это проделать, потому что грабитель был очень старым и двигался не очень проворно.
ОН. А можно я с тобой? А возьми меня с собой! Пожалуйста! Я не буду стоять на линии огня, я обещаю! И если тебя ранят, я смогу тебя вынести с поля боя, я очень выносливый!
ОНА. А магазин?
ОН. Напишу, что временно закрыт на ремонтные работы!
ОНА. И мы поплыли на полицейском катере.
ОН. А можем мигалку включить? А сирена работает? Вот эта кнопка для сирены? А порулить можно?
ОНА. Нам повезло. Потому что буквально через час, возле очередного островка…
ОН. Вот! Вот! Та самая лодка! Я узнал её! Вон там, у берега!
ОНА. Олли, послушай меня. Ты остаешься в катере.
ОН. Но…
ОНА. Олли, мне нужен надежный человек, который будет прикрывать мой тыл.
ОН. И я остался прикрывать её тыл. Было тихо, но вот это ощущение, что за тобой наблюдают….
ОНА. Остров был совершенно пуст. Дом был не заперт. Я зашла внутрь. На столе стояла тарелка с черничным пирогом… Шипит кофейник со свежесваренным кофе… Ну что тут сказать? Пирог был в меру сладким! С добавлением овсяных хлопьев!
ОН. Было так тихо и так страшно, что я не вытерпел и пошел её спасать. И очень быстро её нашел.
ОНА. Я сидела на ступеньках домика, курила сигарету, отхлебывала кофе и смотрела, как синица клюет подвешенный кусочек рыбы. Олли присел рядом.
ОН. Потом мы еще раз заглянули внутрь. Там, на столе, было уже две тарелки с пирогом.
ОНА. Я съела добавку. Затем мы вернулись к катеру.

ОН. Позже в тот день мы привезли на остров целый ящик продуктов. Их, вместе с украденными, оплатила Полицейская.
ОНА. Только самое необходимо – крупы, яйца, макароны.
ОН. А хлеб из пекарни датчанина, испеченный на трехсотлетней закваске – это уже от меня. И шоколадка. И кусочек сала для синицы. И набор блесен. Вы не представляете, сколько блесен теряется в море, если всё время ловить на удочку.
ОНА. В домике нас ждала новая порция кофе. Мы с Олли пили кофе возле домика. Пахло нагретым солнцем можжевельником, камнем и водорослями. И хотя я не курила, это, пожалуй, был самый лучший момент того дня.
ОН. А потом мы уплыли.
ОНА. Мы уплыли, а остров остался.

12. ПРАЗДНИК СЕРЕДИНЫ ЛЕТА

Хоть это и день летнего солнцестояния, на острове это обычный день. Старик ловит рыбу, старуха убирается в домике.

ОН. Это невероятная удача – поймать такую рыбу! Старик был уверен, что таких рыб здесь уже не водится. Красивая розовая большущая рыба с черными с золотым ободком глазами и серебряным животом. Ему стало жалко убивать её, и он не торопился вынимать её из воды. В последний раз старик ловил такую в детстве, с отцом. И ощущение чуда, которое живет на острове, впервые появилось у него именно тогда. Он захотел показать рыбу жене, большую, уверенную в себе рыбу, королеву северного моря. Он выпрямился и постоял с закрытыми глазами. Резко разгибаться никогда не следует: кружится голова, и тогда можно упасть. И когда он открыл глаза, то увидел катер, который приближался к острову. В нем сидели его сыновья. Старший был со своим сыном-подростком. Они были заняты, отец уговаривал подростка помочь ему причалить катер. Младший безучастно смотрел на воду. На нем был резиновый дождевик, хотя погода была солнечной. Старик повернулся к домику и понял, что не успеет добежать и предупредить жену. Всё, что он успел, – это спрятаться в зарослях можжевельника.

ОНА. Сегодня день летнего солнцестояния. Раньше это был день, когда они приезжали на остров, чтобы отпраздновать белую и спелую сердцевину лета. Сегодня это просто хороший день, чтобы убраться в домике. Нужно заменить скатерть, сменить постель, снять и простирать занавески на окнах, разложить на камнях и просушить на солнце одеяла. Она залезла с ногами на стол, чтобы отцепить занавески с окна, когда увидела своих сыновей. Они подымались от причала. Вместе с занавеской, которую она автоматически прижала к

груди, она слезла со стола. А когда по крыльцу загрохотали сапоги, она уже была на чердаке. Там, в углу, за перегородкой, она бросила мешок с грязным бельем себе под живот, легла и стала смотреть через щель вниз, на своих детей. Она так соскучилась! Питер по-прежнему выглядит уверенно, а вот Марк, что стало с Марком? Мрачный, с глубокими складками на лице, его будто вырезали из черного дерева. Мой возлюбленный младший сын! Горе превратило тебя в старика, сделало тебя старше всех, старше брата, старше твоего отца. Это мы виноваты в том, что ты стал таким! Мы!

13. СТАРШИЙ.

Питер и Нико пытаются ловить рыбу.

ОН. У Питера все хорошо в жизни, работа кипит, силы есть. Голова никогда не работала так ясно и четко, как сейчас, в его сорок пять. Он контролирует всё, он со всем может справиться. У него есть краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные планы. Но есть одна брешь во всех его планах и во всей его жизни. Это Никки.
ОНА. Нико.
ОН. Питер думал, что эта поездка наладит их отношения. Ему хотелось, чтобы Никки испытал то же самое, что испытал он, когда был в его возрасте. Вот это невероятное ощущение, что этот каменистый небольшой островок на самом деле огромный материк, полный тайн и приключений.
ОНА. Мерзко. Жарко. В лодке качало. Тошнило. Он хотел, чтобы мы рулили, а я не хочу. Колючки. Ободралась коленка, когда пришлось прыгать на причал. Телефон не ловит. Хочу домой.
ОН. Попробуй забросить блесну вооон туда. Там очень перспективное место, я чувствую, что нам повезет!
ОНА. Нет.
ОН. Ну давай! Ну разок! Вдруг ты поймаешь рыбу? Это несложно! Я помогу!
ОНА. Опять это выражение на лице типа «Чем ты меня разочаруешь на этот раз?».
ОН. Ну я тебя прошу!
ОНА. Я не хочу, оставь меня в покое.
ОН. Ну пожалуйста, ну один раз! Ну один раз! Ну ради меня! Ну пожалуйста!
ОНА. Ну хорошо!!!
ОН. С какой ненавистью Никки говорит это «ну хорошо».
ОНА. Ненавижу всё это.
ОН. Что я делаю не так? Никки?
ОНА. Нико. Меня зовут Нико.
ОН. Зачем я тебя мучаю?

ОНА. Ну хорошо! Ну давай свою вонючую удочку! Ну вот! Кидаю! Ты хотел этого? Кидаю! Ну вот! Всё запуталось! Этого? Ты этого хотел! Получай! Получай! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!
ОН. Никки!
ОНА. Меня зовут Нико! Я хочу домой! Зачем я здесь?!
ОН. Больше всего на свете большой и уверенный в себе Питер боится ощущения собственной беспомощности. И вот сейчас это ощущение посещает его с такой силой, что он не находит слов. Ему хочется уйти. Пойти на дальний конец острова, где висит старый гамак, лечь в него и заснуть и забыть всё к чертям собачьим. Он отворачивается, чтобы сын не видел, как он теряет лицо, уходит и думает только одно: я опять всё испортил. Я опять…
ОНА. Папа!
ОН. Питер даже не сразу понимает, что его зовет сын.
ОНА. Папа! У меня! Я поймал! Я поймал рыбу! Рыбу!
ОН. Питер бежит к сыну, который в каком-то ужасе и восторге тянет запутанную леску, хватает удочку, бросает удочку, потому что успевает понять, что нужно, чтобы это не он, а сын поймал эту рыбу, но потом понимает, что
ОНА. да помоги же!
ОН. что нужно помочь, и они тянут вместе
ОНА. папа, что это
ОН. погоди погоди погоди
ОНА. папа, что это за рыба, папа, смотри, какая она, какая она красивая
ОН. о боже о боже вот это рыба вот это рыба
ОНА. какая она красивая
ОН. они стоят и не могут поверить
ОНА. своим глазам
ОН. это самая
ОНА. самая красивая рыба на свете
ОН. с черными с золотым ободком глазами
ОНА. с розовым телом и серебряным животом
ОН. я ТАК тобой горжусь
ОНА. И Нико вдруг хочет обнять папу, но сдерживается. Вместо этого Нико предлагает: «Мы же её отпустим?»
ОН. Ну как?! Как можно отпустить такую рыбу? Самую чудесную рыбу на свете?! Но в этот момент Питер вдруг ясно осознает, что его сын – это не только он, но еще и его жена, которая тоже на месте сына попросила бы сейчас отпустить рыбу, и еще понимает, что и это тоже не до конца верно, потому что Никки – это совершенно другой, отдельный от него, стремительно взрослеющий человек, и что, может быть, это их последние моменты детства, их совместного детства, его и Никки…
ОНА. Нико.

ОН. Да. Конечно. Да. Мы отпустим эту рыбу.
ОНА. И Нико уже не сдерживается и обнимает папу. А тот обнимает своего ребенка в ответ.
ОН. Как старик обнимал Питера, когда он был маленький и хотел. чтобы его обняли, как старика обнимал его отец и как…
ОНА. «Прощай, рыба», – говорит Нико. «Прощай, рыба», – говорит Питер.
ОН. «Прощай, рыба», – говорит старик.

14. МЛАДШИЙ

На чердаке.

ОН. А что же младший сын, самый нежный, самый любимый, рожденный в пору цветения ландышей? Почему его не видно? Ты где был, Марк?
ОНА. Сразу предупрежу, что это всё очень сложно объяснить, но Марку вовсе не больно. Марк совершенно не чувствует никакой боли, но постоянно ощущает невыносимость. Невыносимость – это такое чувство, которое всё время с тобой. Невыносимость – это такое чувство, которое не дает покоя. Марку невыносимо в городе. Марку невыносимо за городом. На короткое время Марку казалось, что невыносимость отступает, когда он много работает, но от большого количества работы Марк совсем разучился спать, а ночная невыносимость еще более невыносимая чем дневная невыносимость.
ОН. Погоди, ты где был, я спрашиваю? Мы тебя искали и нигде не нашли!
ОНА. Невыносимость заставила Марка приплыть на этот остров, но и тут ему тоже невыносимо. Он пробовал затеряться среди скал – невыносимо. Пробовал спрятаться в тихой, как церковь, сауне – невыносимо. В домике – невыносимо, за домиком – невыносимо. Невыносимость загнала Марка под крышу, на чердак и втиснула спиной в самый дальний угол.
ОН. Мы там поймали рыбу, Марк! Воооот такую! Звали тебя, чтобы ты тоже посмотрел!
ОНА. Марк зажал ладонями уши, чтобы ничего не слышать. И как будто бы… Но нет. Всё так же невыносимо. Но потом.
ОН. Ну?
ОНА. В общем, это сложно объяснить. Наверное, когда Марк залезал на чердак, он задел какие-то старые коробки с вещами. Там же очень много этих коробок. В общем, он задел какую-то из этих коробок, видимо. Ну, в общем, к его ногам откуда-то выкатилась старая игрушечная машинка.
ОН. И что?

ОНА. Ну и всё. Потом Марк слез с чердака и пошел искать брата и племянника и вот он уже здесь.
ОН. Подожди. Я ничего не понимаю.
ОНА. Ну я же говорю, это сложно объяснить. Это была старая игрушечная машинка, с которой Марк играл в детстве. Он отчетливо помнил тот день, когда родители купили ему её. Это был апрельский солнечный день. И от этого отчетливого воспоминания вся боль, которую Марк гнал от себя, вдруг навалилась на него. И вместо того, чтобы сопротивляться, Марк принял всю эту боль и начал плакать.
ОН. Что начал делать?
ОНА. Начал плакать. Наверное, впервые с того дня, как лишился родителей. Он плакал, и всё это невыносимое горе, которое он чувствовал, оно не становилось меньше. Но оно становилось… как бы это сказать? Выносимым? Я не слишком сложно объясняю?
ОН. Нет. Несложно.
ОНА. И казалось, будто *они*– рядом.
ОН. Ты тоже это почувствовал?
ОНА. А ты?
ОН. Братья сидели на крылечке и молчали. И чувствовали, что *они*– рядом.

Пауза.

ОН. А потом Питер вспомнил: «Я же целый ящик фейерверков привез».
ОНА. Ты сумасшедший? Зачем?
ОН. Да! Целый ящик! Я не знаю, зачем я их купил, но…
ОНА. Так тащи же быстрей их сюда! Нико, у нас, оказывается, целый ящик…
ОН. Штук сто!
ОНА. Штук сто фейерверков! Мы их будем сейчас запускааа

15. ЧТО БЫЛО ПОТОМ

Что было потом.

ОНА. А что было потом?
ОН. Потом старики смотрели, как уплывает катер.
ОНА. Праздник середины лета кончился.
ОН. Почему-то вторая половина лета всегда короче первой.
ОНА. Хотя она– половина.
ОН. Лето кончилось, и началась осень.
ОНА. Осень была длинной и дождливой.
ОН. Зато старик успел заделать щели в домике.
ОНА. Полицейская и продавец Олли еще пару раз привозили припасы.

ОН. И каждый раз находили у себя в лодке связку отличной копченой рыбы.
ОНА. А потом стало совсем темно, и началась зима.
ОН. Но в тот день было солнечно. Солнечное зимнее утро и яркий ослепительный снег. В честь своего дня рождения старик сделал коньки из старых лезвий и резиновой покрышки, и решил попробовать их в море. В его детстве, в этот день, море всегда успевало хорошенько промерзнуть. И сегодня лед выглядел крепким. Но зимы теперь совсем не те, что раньше. Поэтому, не успел он отъехать далеко от острова, как вдруг услышал треск под ногами, и через секунду чуть не ушел с головой под воду. Но он выбрался. Ползком, кое-как, по хрустящему льду, который обламывался под его весом. Но он добрался до острова. Промок, смертельно продрог, но выбрался. К этому времени начало темнеть, очень короткий день зимой. Когда подошел к домику, увидел, что дым уже не идет из трубы. И внутри было уже темно. И в камине уже не горел огонь.
ОНА. А она лежала так, будто мирно спит. И рука её лежит поверх одеяла.
ОН. Тогда старик садится рядом. И берет её за руку. На этот раз он берет её за руку.
ОНА. А над островом и над морем становится совсем темно, и в небе появляется северное сияние.
ОН. А в гамак навалило снега, и кажется, будто кто-то лежит в нем и смотрит наверх, на северное сияние.
ОНА. «А если ты вдруг разбежишься и прыгнешь, а если ты вдруг разбежишься и прыгнешь, то небо тебя подхватит».
ОН. И становится совсем тихо-тихо. Тихо-тихо.
ОНА. Тихо-тихо.

Занавес